

УДК 94:070 "1985/1991"

Моисеенко А.Д., магистрант 2 курса, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Россия)

Шевцов В.В., доктор исторических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Россия)

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ ПРАЗДНОВАНИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «КРАСНОЕ ЗНАМЯ» (1985–1991 гг.).

В статье исследуются идеологические нарративы позднесоветской эпохи, посвященные празднованию дня Октябрьской революции (1985–1991). Эмпирическая база исследования основана на материалах газеты «Красное знамя» (г. Томск). Ставится вопрос относительно динамики структуры празднования дня Октября на страницах позднесоветских идеологических текстов в контексте изменения коммеморативного и политического пространства эпохи перестройки на локальном материале. Основным теоретическим принципом является предложенный Виктором Тёрнером синтез структуры и антиструктуры ритуального действия, на основании которых строится любое праздничное действие. Актуализация исследования основана на современном состоянии коммеморативных пространств «травмы» и «ностальгии» в российском политическом дискурсе относительно событий Октябрьской революции. Основные исследовательские выводы связаны с понятиями двойственная идентичность советского обывателя, политическая отчужденности и рессентимент.

Ключевые слова: история СССР, перестройка, праздник, день Октябрьской революции, коммеморативные практики, идеологический дискурс, газеты, Томск.

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-04-84-92

Исследования перестроечных событий осуществляются разными направлениями, сконцентрированными на изучении институциональных структур, таких как: политические и экономические реформы и т. д. [24; 30]. Но в отличие от изучения более раннего периода, присутствует существенный недостаток исследований в рамках такого направления как «историческая антропология».

В современном политическом дискурсе существуют противоположные интерпретации относительно событий Октября и его празднования. Спектр мнений варьируется в зависимости от коммеморативного пространства, в рамках которого оно выражается: от «ностальгии» по прошедшим событиям, до «травмы», влекущей за собой попытку «забвения» [4]. В данном диапазоне контекстов представляется актуальным рассмотреть базовые механизмы трансформации коммеморативных практик перестройки относительно Октябрьской революции, поскольку советские праздники представляют собой интерес не только в рамках историко-культурной сферы изучаемого периода, но и в контексте определенной преемственности конвенциональных практик советской и постсоветской эпох. Безусловно, не стоит отождествлять социальные структуры двух указанных периодов, что неизбежно ведёт к по-

иску устойчивых исторических закономерностей. Современные культурные практики не могут быть идентичны позднесоветским. Однако выразим солидарность замечанию Д. Г. Горина, согласно которому переориентация одних важных дат на другие не меняет базовые структуры культурной логики, которая основана на сакрализации определенных исторических феноменов [8]. Именно в таком ключе возможно рассуждать об условной «преемственности».

По мнению Алексея Юрчака, позднесоветский идеологический дискурс до перестройки имел статичную структуру в виде «авторитетного дискурса» и организовывался на базе гипернормализации идеологических нарративов. Поскольку «новые» тексты повторяли уже существующие формулировки, он перестал выполнять одну из важнейших функций идеологии – описание реальности, а его основой стал перформативный сдвиг, который позволял создавать новые параметры социальной реальности. Этот феномен конструировал пространство вневходимости, которое позволяло советскому обывателю находиться одновременно внутри и вне дискурсивной системы. Идеология советского государства приобрела характерную «застойность», преобразовавшись позднее в кризис. Реформы перестройки

были направлены на выход из него, но в институциональном выражении. Горбачёв «создал» новое мета-дискурсивное пространство по отношению к дискурсу, которое было сконструировано несознательно через политику гласности, позволившей осуществлять поиск механизмов трансформации системы не только партийным функционерам, но и другим элементам [28, С. 572–583].

Настоящая статья обращается к коммеморативным структурам празднования дня Октябрьской революции. В таком контексте следует обозначить базовые элементы не только функционирования идеологического дискурса, но и символического порядка системы. Томас Шерлок обозначает основу позднесоветской символической системы как «ленинский миф», который образуется слиянием двух означающих «Ленин» и «Октябрьская революция». По мнению Шерлока, этот миф выполнял две важнейшие функции: 1) системная – конфигурировала символы и взаимоотношения между партией и обществом; 2) узко политическая – была некоторым идеальным механизмом действия для партийных функционеров, людей создававших идеологические тексты, и именно в этом значении «ленинский миф» конструировал общую советскую идентичность [26, С. 88–91]. Однако отдельной функцией важно выделить – коммеморативную, поскольку представленные означающие являлись базисом для всех существовавших в обществе стратегий воспоминания. Даже День Победы изначально существовал в рамках синтеза с событиями Октября. Но в 1970-х гг. связка «революция – война» стала приобретать более антропологические черты. Со временем память о войне начинает приобретать зримую автономию, отрываясь от образа революции [3]. Однако попытка объединения двух исторических событий из разных контекстов, свидетельствует о важности коммеморативной функции «ленинского мифа».

В седьмом номере журнала «Коммунист» за 1987 г. вышла статья «Ленинизм, революция, современность», в которой перестройка интерпретировалась как «прямое продолжение дела Октября. Её цель – претворить в жизнь очищенные от всего наносного принципы и идеалы социалистической революции» [11, С. 58–68]. В таком контексте

«сшивки» в эпоху политических трансформаций значимо рассмотреть логику празднования одного из главных событий в истории государства. Тем не менее, для настоящей работы не представляет принципиальной значимости проследить взаимосвязь внутренне-политической составляющей и механизмов празднования Октября. Релевантным видится рассмотрение исключительно трансформации структуры празднования в обозначенный период. Понимание «структура» заимствовано из работы антрополога Виктора Тёрнера, который определял ритуальный процесс как совокупность структурных и антиструктурных элементов. Согласно данной дихотомии структура представляется как особая конфигурация правил повседневной реальности, определяющая и базовые действия праздничного ритуала, а антиструктура – как поле несоответствия обыденной жизни, которая в конечном итоге возвращает искаженное понимание реального через призму разрушения «нормального» в обратное состояние структуры (то есть реальности). В противопоставлении структуры и антиструктуры определяющим значением надделено состояние «лиминальности», т.е. это модус субъекта ритуального действия, характеризуемый Тёрнером как положение «ни здесь ни там, ни то ни сё; ... в промежутке между положениями, предписанными и распределенными законом, обычаем, условностями и церемониалом» [20, С. 169]. Исследуемый генезис «структуры», т.е. октябрьских репрезентаций позволит определить изменения коммеморативной логики как отдельно взятого празднования Октябрьской революции, так и «ленинского мифа».

Источниковый материал ограничен анализом газеты «Красное знамя» (главной в г. Томск), ретранслировавшей официальную позицию и имевшей строго организованную структуру представления материалов. «Красное знамя» издавалась органом Томского областного комитета КПСС и областного Совета депутатов трудящихся. В период с 1985 по 1991 тираж газеты значительно снизился: от 162427 экземпляров (07.11.1985) до 107408 экземпляров (07.11.1991). Газета выходила 300 раз в год. Локализация обусловлена исследовательским интересом, который

вписан в изучение структурных и антиструктурных основ празднования Октябрьской революции на протяжении всей эпохи позднего социализма в периферийном городе.

С определенной долей условности репрезентационную логику структуры празднования Октябрьской революции в обозначенный период можно разделить на базовые этапы: 1985–1989 (1989 г. – переходный) и период 1990–1991. Первый этап характеризуется определенной преемственностью эпохи «застоя» относительно структурного базиса празднования. Логика конструирования праздничных нарративов характеризовалась строгими гипертекстуальными формами. Основные сюжеты задавались контекстами усердного труда накануне праздника, награждения особо отличившихся и победителей соцсоревнований, а также устойчивого порядка проведения демонстрации и обозначения значимости Октябрьской революции для мировой истории и общественности. В подтверждение данного тезиса представляется важным привести типичные примеры подобных нарративов:

«Демонстрацию открывают городские сводные колонны учащихся школ, профессионально-технических училищ, средних специальных учебных заведений. ... С площади Революции демонстранты следуют по пр. Ленина и на Московский тракт. ...» [16, С. 4].

«Для томичей площадь Революции – место святое, с которым связана история города и личная жизнь. Дважды в год – 1 Мая и 7 Ноября – приходим мы в колоннах на эту площадь... Всего сотни шагов по площади Революции... Эти шаги – наша память о похороненных на этой площади. Эти шаги – наш рапорт о сделанном. Священная часть города...» [19, С. 1].

Часть нарративов в газете связывает перестройку с событиями Октября 1917 г., таким образом легитимируя выбранную партией стратегию реформации идеологического дискурса. В докладе «Октябрь и Перестройка: революция продолжается» М. С. Горбачёв обозначил основные положения, ставшие главной задачей политических изменений, а именно – «дальнейшее углубление и развитие социалистической демократии» на

базе «теоретического и практического восстановления ленинской концепции социализма» [7, С. 31–32]. Примеры, коррелирующие с положениями Горбачёва:

«Перестройка – наследница революции, воплощение ее преобразующего порыва в реальных условиях сегодняшнего дня» [13, С. 1].

«Семьдесят первый год нашей революции. Четвертый год нашей перестройки. Разделенные десятилетиями эти два факта истории накрепко соединяются одним именем – именем Владимира Ильича Ленина» [15, С. 1].

Важным отличием структурной формы репрезентаций празднования периода перестройки от «застоя» было увеличение статей направленных на описание повседневных аспектов празднования, которые редко встречались в предыдущий период. Аргументом являются тексты рекламирующие магазины и товары («выработают больше тортов, пользующихся повышенным спросом, таких, как “Ожидание”, “Первый снег”, “Бисквит с какао”, и других» [21, С. 4] и др.), подготовку потребительских продуктов, которые можно приобрести во время демонстрации («Сейчас готовимся к обслуживанию с лотков во время прохождения демонстрации ... томичей первыми поздравят с праздником продавцы» [9, С.2]), а также проведение праздничного досуга (например, рекомендация «куда пойти в праздники» [10, С. 3] и др.).

70-летний юбилей Октябрьской революции в газете Красное знамя выделяется особыми репрезентационными механизмами новых коммеморативных практик. За 1987 год можно увидеть ряд элементов конструирования памяти об Октябре, которых не было ни до, ни после юбилея. Объём различных событий и открытий памятных мест даже в провинциальном городе крайне сложно изложить в настоящей работе. Скорее это объект изучения отдельной аналитической статьи. Тем не менее, приведём часть примеров: выставка-конкурс молодежного плаката к юбилею Октябрьской революции [5, С. 4]; коллективная работа историков Томского университета “Октябрь в Сибири. Хроника событий (март 1917 – май 1918)” к 70-летию революции [29, С. 2]; открытие мемориальной доски в память о «героях-революционерах,

павших в борьбе против царизма» [18, С. 4] и ряд других не менее значимых примеров, которые в рамках обозначенного тезиса показывают конкретные мероприятия легитимации реформы идеологического дискурса в период перестройки. Таким образом конструировалась новая логика смыслов в коммеморативном пространстве, которое было направлено на синтез ленинского мифа и перестроечных принципов. Однако стоит также отметить, что после юбилейного года газета почти не печатала информацию по подобным коммеморативным практикам.

Выпуски за 1989 год обозначены в работе как переходные, так как в своей структуре они мало чем отличаются от предыдущего рассмотренного периода. Также, в газете можно увидеть подготовительные мероприятия к демонстрации, организации праздничного досуга, соцсоревновательную риторику и т. д. Тем не менее, количество номеров, которые наполнялись октябрьскими нарративами сократилось с 10 до 5 (по сравнению с 1987), а количество статей уменьшилось значительно (с 47 до 10). Однако более важный момент можно выразить в следующей цитате: «Октябрь – важнейшая веха в истории не только народов нашей страны, но и всего человечества. **С разных позиций можно, конечно, по-разному оценивать грандиозность этого события.** Но невозможно не признавать его судьбоносного значения» – высказывания из статьи, написанной корреспондентом ТАСС Г. Шишкиным [27, С. 1]. После неё в номере следует публикация «Моё понимание перестройки», продолжающая общий посыл Шишкина, но в другом формате. Приведём несколько цитат: «Боюсь, для многих разрушение пока и является конечной целью. Ибо часто не вижу желания созидать. ... **Наша сегодняшняя революция не может быть только разрушающей. Грош ей цена без созидания**» [12, С. 1]. Статья корреспондента ТАСС впервые допустила возможность альтернативного взгляда на события Октября 1917 г., но в целом посыл работы повторял логику взаимосвязи перестройки с ленинским мифом прошлых лет. Но следующая после передовицы публикация развивает этот тезис альтернативного взгляда и перекладывает его в иную

плоскость. Автор, ссылаясь на «Интернационал», описывает перестроечную логику через призму формулы «до основания, а затем...». По его мнению, забастовки как метод революционной борьбы (в контексте формулы «перестройка – продолжение революции») в совокупности с различными институциональными действиями (например, Закон о собственности) являются разрушениями «до основания», которые «уже были 70 лет назад». Но при этом автор остаётся в состоянии непонимания того, что современная ему «революция» разрушает уже созданный Октябрьской революцией «духовный и интеллектуальный потенциал нации, народа». Такое понимание поиска общего знаменателя между перестройкой и ленинским мифом является новым в рамках репрезентаций официальной партийной газеты. Безусловно, оно вызвано переосмыслением исторического прошлого страны, которое активно началось в 1988–89 гг. Но важнее то, что такая интерпретация была первым проявлением «радикального сомнения» на страницах газеты Красное знамя. «Радикального» – ни в смысле бинарной логики принятия / неприятия официальной перестроечной риторики. Скорее речь идёт о радикализации сакральности ленинского мифа как такового, который в синтезе с политикой гласности вовлёк советского обывателя в политико-идеологические дискуссии. Однако советский обыватель поздней перестройки не обнаружил в идеологическом мифе констатацию модусов повседневности.

Указанное сомнение в 1990–91 гг. трансформировалось сначала в дискуссию относительно целесообразности празднования Октябрьской революции, а затем и вовсе отразилось в поиск других путей конструирования символического поля. Приведем фрагмент, указывающий на дискуссию о необходимости празднования:

«Делегаты ... поддержали решение областного комитета КПСС о праздновании 73-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции» [17, С. 1].

Также, в газете в два последних года существования СССР можно найти ряд интервью со специалистами в социо-гуманитарных сферах познания (например, интервью с

историками Ю. В. Купертом [2] и Н. С. Ларьковым [23, С. 1–2]), в которых осуществляется попытка пересмотра событий Октября 1917 г. Но для настоящей работы наибольший интерес представляют «антропологические» сюжеты, опубликованные на страницах газеты. Каждая из рассказанных историй или мнений уникальны, поэтому представляется актуальным привести некоторые фрагменты текстов, которые своей логикой и структурой радикально отличаются от более ранних нарративов.

В статье «Празднуем?» описаны разговоры корреспондентов редакции накануне праздника по телефону с жителями области:

«– 7 Ноября считаете праздником, Надежда Яковлевна?»

– Да, считаю. Наше поколение воспитывалось так, что это торжественный день. И, несмотря на все изменения, я продолжаю считать, что эта праздничная дата. ...

– Какое настроение, как будете праздновать?»

– Настроение, конечно, аховое. И с работой сплошные неясности, ибо грядут изменения, и к празднику ничего нет. Ни в холодильнике, ни в магазине. Единственное, что смогла “придумать”, – не приглашать в этом году гостей. Грустно. Ведь это была традиция» [22, С. 1].

Дежурный обозреватель С. Выгон в статье «Время ли печь пироги» задаётся актуальным в те дни вопросом «Праздновать ли 7 Ноября или объявлять его днем траура?». В попытках ответить на этот вопрос, автор приходит к выводу, что «сегодня, пожалуй, самая горькая годовщина Революции из всех» через призму отчаянности современной ему повседневной реальности:

«...Может быть, в 3000 году именно так, возвышенно, потомки будут думать о нас. Одно утешение, если так. Они ведь не будут знать, что в 73-ю годовщину Революции многим людям даже не из чего было испечь пирог» [6, С. 1].

«[Отношусь] просто, как к исторической дате. Не думаю, что нужно его справлять; пить водку, произносить тосты. Но если мы хотим быть народом со своей историей, то надо эту дату не забывать. А вообще-то получается, что это праздник для бездельников – целых четыре дня...»

[14, С. 1].

Последний приведенный фрагмент является примером кризиса идентичности позднесоветского обывателя, который в более развернутой форме обозначен в следующем «праздничном» выпуске газеты в статье «России нужен праздник»:

«Почувствовать себя единым народом на земле, которая дала тебе дом и работу, где твои дети ходят в школу, – разве это плохо? России нужен свой праздник, в июне ли, в августе или в другое время. Не ее вина, что за десятилетия мы постепенно растеряли все то, чем гордились и чему радовались» [25, С. 1].

Радикальное сомнение, которое отчетливо прослеживалось в статье за 1989 год, в последние два года существования СССР трансформировалось в две устойчивых тенденции, характерных как для конструирования текстов газеты, так и для всего идеологического пространства СССР. Первая тенденция отмечена в последних двух примерах, а именно: двойственная идентичность, которую метафорически можно обозначить тернеромским понятием лиминальность («ни здесь ни там, ни то ни сё»). Действительно, ритуал празднования главного события в истории СССР под действием радикального сомнения дифференцировал логику идентификации позднесоветского обывателя, находившейся в промежутке между «советской» и «национальной». Понятие «советская идентичность» условна, поскольку скорее речь идет о личной самоидентификации каждого обывателя, которая в сегодняшнем политическом пространстве эволюционировала в элементы коммеморативного поля, сформированное идеей увеличения «плотности» воспоминания важнейших событий советской эпохи. Появившееся стремление идентификации в контексте «национальных» нарративов выражено в отчуждении от ленинского мифа, «сакральной части» празднования и т. д. Генезис подобных механизмов идентификации превратился сегодня в разнонаправленные спектры коммеморативных практик и интерпретаций относительно прошлого страны до распада СССР (примеры мнений современных политиков и деятелей интеллектуальной сферы [см. 4]).

Также следует отметить вторую узловую точку, позволяющую нам анализировать идеолого-политические тексты перестроечной эпохи. Речь идёт о понятии, введённом М. А. Анипкиным применительно к данной тематике – рессентимент [1], которое означает ощущение невозможности реализации собственных планов и идей. В этом смысле, невозможно рессентимент отделить от политического и идеологического отчуждения, которое можно увидеть в приведённых примерах. Однако следует отметить, что важнейшим компонентом является «социальная апатия» как советских обывателей, у которых брали интервью корреспонденты газеты, так и у самих создателей политических текстов. Структура нарративов на страницах издания свидетельствует о том, что перестроечный идеологический дискурс преодолел основу логики конструирования текстов, которую К. Хамфри называет «стратегией мимесиса» [31, С. 5–35]. То есть, авторы текстов в результате политики гласности и ликвидации монополии партии на «истинное слово» имели возможность больше не руководствоваться «подстриванием» (очень часто копированием) при производстве статей. Именно таким образом стало возможным появление

повседневных сюжетов в контексте коммеморации дня Октября, который ранее имел строгую структуру воспроизводства «ритуального» процесса.

А. Юрчак интерпретировал мистификацию С. А. Курёхина как окончательный момент разрушения фигуры Ленина как господствующей означающей советского идеологического дискурса [32, С. 190–192]. В таком случае разрушение «ленинского мифа» можно считать окончательно оформленным в логике дифференциации идентификации советского обывателя через призму рессентимента целого поколения, которое непосредственно прослеживается в идеологических текстах перестройки в виде политического отчуждения и социальной апатии. В таком контексте имеет смысл говорить о полноценном разрушении «ленинского мифа». Но следует отметить, что для дальнейшего изучения логики дифференциации и рессентимента, необходимо уделить особое внимание исследованию коммеморативных практик эпохи, которые не на уровне устойчивых закономерностей, а в плоскости генеалогии смыслов имеют отражение в сегодняшних дискуссиях о советском прошлом.

Список литературы

1. Анипкин М. А. Поколение «лишних людей»: антропологический портрет последнего советского поколения // *Неприкосновенный запас*, № 117, 2018. – С. 290–308.
2. Бозрикова Л. Интервью с историком Ю. В. Купертом // *Красное знамя*, 7 ноября, Томск, 1990. – С. 1–2.
3. Болтунова Е. «Пришла беда, откуда не ждали»: как война поглотила революцию // *Неприкосновенный запас*, № 116, 2017. – С. 109–128.
4. Великий октябрь: как томские политики оценивают последствия революции. URL: <https://www.tomsk.ru/news/view/129356> (дата обращения: 03.09.19).
5. Власова О. Молодежный плакат // *Красное знамя*, 1 ноября, Томск, 1987. – С. 4.
6. Выгон С. Время ли печь пироги // *Красное знамя*, 7 ноября, Томск, 1990. – С. 1.
7. Горбачёв М. С. Октябрь и перестройка, революция продолжается. Доклад на совместном торжестве, заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвящён 70-летию Великой Октябрьской соц. революции, в Кремлевском Дворце съездов, 2 ноября 1987 г. – М.: Политиздат, 1987. – 62 с.
8. Горин Д. Г. От карнавала к литургии: мотивы атеистической космогонии в главном советском празднике // *Неприкосновенный запас*, № 3 (101), 2015. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/101_nz_3_2015/article/11510/ (дата обращения: 10.10.19).
9. Кондрацкая Х. Первым поздравит продавец // *Красное знамя*, 6 ноября, Томск, 1986. – С. 2.
10. Куда пойти в праздники // *Красное знамя*, 4-5 ноября, Томск, 1989. – С. 3.
11. Ленинизм, революция, современность // *Коммунист*, № 7, 1987. – С. 58–68.
12. Моё понимание перестройки // *Красное знамя*, 7 ноября, Томск, 1989. – С. 1.
13. На еще не решенных задачах // *Красное знамя*, 6 ноября, Томск, 1986. – С. 1.

14. Надо ли прощаться с праздником? // Красное знамя, 6 ноября, Томск, 1991. – С. 1.
15. Октябрьская атмосфера перестройки // Красное знамя, 7 ноября, Томск, 1988. – С. 1.
16. План проведения демонстрации в г. Томске 7 ноября 1985 года // Красное Знамя, 5 ноября, Томск, 1985. – С. 4.
17. Решено отметить праздник // Красное знамя, 1 ноября, Томск, 1990. – С. 1.
18. Семенов Р. Не склонившие головы // Красное знамя, 8 ноября, Томск, 1987. – С. 4.
19. Стоилов Э. Ожидание праздника // Красное знамя, 6 ноября, Томск, 1988. – С. 1.
20. Тёрнер В. Ритуальный процесс. Структура и антиструктура // Тэрнер В. Символ и ритуал. – М., 1983. – С. 104–264.
21. Торговый сервис в праздник // Красное знамя, 2 ноября, Томск, 1986. – С. 4.
22. Торжество без друзей // Красное знамя, 7 ноября, Томск, 1990. – С. 1.
23. Фролов Е. С вершины баррикад. Интервью с историком Н. С. Ларьковым // Красное знамя, 7 ноября, Томск, 1991. – С. 1–2.
24. Хоскинг Д. Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе / Джеффри Хоскинг; пер. с английского В. Артемова. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 544 с.
25. Шеремет Н. России нужен праздник // Красное знамя, 7 ноября, 1991. – С. 1.
26. Шерлок Т. Исторические нарративы и политика в Советском Союзе и постсоветской России / Томас Шерлок ; [пер. с англ. А. Л. Раскина и А. А. Пешкова]. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 325 с.
27. Шишкин Г. Событие, изменившее лицо земли // Красное знамя, 7 ноября, Томск, 1989. – С. 1.
28. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Алексей Юрчак; предисл. А. Беляева; пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 664 с.
29. Якимова Т. Книги историков // Красное знамя, 6 ноября, Томск, 1987. – С. 2.
30. Boettke P. Why perestroika failed: The politics and economics of socialist transformation. – London, New York: Routledge, 1993. – 199 p.
31. Humphrey C. The ‘Creative Bureaucrat’: Conflicts in the Production of Soviet Communist Party Discourse // Inner Asia, Vol. 10, No. 1, Special Issue: Cadres and Discourse in Late Socialist Societies, 2008. – pp. 5–35.
32. Yurchak, A. The canon and the mushroom. Lenin, sacredness, and Soviet collapse // Hau: Journal of Ethnographic Theory Vol. 7, No. 2, 2017. – pp. 165–198.

TRANSFORMATION OF THE CELEBRATION STRUCTURE OF THE OCTOBER REVOLUTION ON THE PAGES OF "THE KRASNOYE ZNAMYA" NEWSPAPER (1985–1991)

The ideological narratives of the late Soviet era dedicated to the celebration of the October Revolution Day (1985–1999) are explored in the article. The empirical base of the research is based on the materials of the newspaper "Krasnoye znamya" (Tomsk). The question is posed about the dynamics of the structure of the celebration of October Day on the pages of late Soviet ideological texts in the context of changing the commemorative and political space of the Perestroika on local material. The main theoretical principle is the synthesis of structure and anti-structure of ritual actions proposed by Victor Turner on the basis of which any celebratory action is built. The actualization of the study is based on the modern status of commemorative spaces of “trauma” and “nostalgia” in the Russian political discourse regarding the events of the October Revolution. The main research findings are connected to the concepts of dual identity of the Soviet citizen, political estrangement and resentment.

Keywords: USSR history, Perestroika, holiday, October Revolution day, commemorative practices, ideological discourse, newspapers, Tomsk.

References

1. Anipkin M. A. (2018) Pokolenie «lishnih lyudej»: antropologicheskij portret poslednego sovetского pokoleniya [Generation of “Extra People”: Anthropological Portrait of the Last Soviet Generation] // Neprikosnovennyj zapas [Inviolable stock], № 117. – P. 290–308.
2. Bozrikova L. (1990) Interv'yu s istorikom Yu. V. Kupertom [Interview with historian Yu.V. Cupert] // Krasnoe znamya. *Red Banner*. 7 November, Tomsk. – P. 1–2.

3. Boltunova E. (2017) «Prishla beda, otkuda ne zhdali»: kak vojna poglotila revolyuciyu [“Trouble came, from where they did not wait”: How The War absorbed The Revolution] // *Neprikosnovennyj zapas* [Inviolable stock], № 116. – P. 109–128.
4. Velikij oktyabr': kak tomskie politiki ocenivayut posledstviya revolyucii [The October Revolution: how Tomsk politicians appreciate the consequences of the revolution]. URL: <https://www.tomsk.ru/news/view/129356> (date viewed.: 03.09.19).
5. Vlasova O. (1987) Molodezhnyj plakat [Youth poster] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 1 November, Tomsk. – P. 4.
6. Vygon S. (1990) Vremya li pech' pirogi [Is it time to bake pies] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 7 November, Tomsk. – P. 1.
7. Gorbachyov M. S. (1987) Oktyabr' i perestrojka, revolyuciya prodolzhaetsya [October and perestroika, the revolution continues]. – M.: Politizdat. – 62 p.
8. Gorin D. G. (2015) Ot karnavala k liturgii: motivy ateisticheskoy kosmogonii v glavnom sovetском prazdnike [From carnival to liturgy: motives of atheistic cosmogony in the main Soviet holiday] // *Neprikosnovennyj zapas* [Inviolable stock], № 101. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyj_zapas/101_nz_3_2015/article/11510/ (date viewed: 10.10.19).
9. Kondrackaya H. (1986) Pervym pozdravit prodavec [The seller will be the first to congratulate] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 6 November, Tomsk. – P. 2.
10. Kuda poiti v prazdniki [Where to go on holidays] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 4–5 November, Tomsk, 1989. – P. 3.
11. Leninizm, revolyuciya, sovremennost' [Leninism, revolution, modernity] // *Kommunist. Communist*. № 7, 1987. – P. 58–68.
12. Moyo ponimanie perestrojki [My understanding of Perestroika] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 7 November, Tomsk, 1989. – P. 1.
13. Na eshche ne reshennyh zadachah [On undecided problems] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 6 November, Tomsk, 1986. – P. 1.
14. Nado li proshchat'sya s prazdnikom? [Should I say goodbye to the holiday?] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 6 November, Tomsk, 1991. – P. 1.
15. Oktyabr'skaya atmosfera perestrojki [October atmosphere of perestroika] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 7 November, Tomsk, 1988. – P. 1.
16. Plan provedeniya demonstracii v g. Tomske 7 noyabrya 1985 goda [The plan for the demonstration in Tomsk on November 7, 1985] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 5 November, Tomsk, 1985. – P. 4.
17. Resheno otmetit' prazdnik [Decided to celebrate the holiday] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 1 November, Tomsk, 1990. – P. 1.
18. Semenov R. (1987) Ne sklonivshie golovy [Do not bow their heads] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 8 November, Tomsk. – P. 4.
19. Stoilov E. (1988) Ozhidanie prazdnika [Waiting for the holiday] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 6 November, Tomsk. – P. 1.
20. Turner V. (1983) Ritual'nyj process. Struktura i antistruktura [The Ritual Process: Structure and Anti-Structure] // Turner V. Simvol i ritual. *Symbol and ritual*. – M. – P. 104–264.
21. Torgovyj servis v prazdnik [Shopping service on holiday] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 2 November, Tomsk, 1986. – P. 4.
22. Torzhestvo bez druzej [Solemnity without friends] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 7 November, Tomsk, 1990. – P. 1.
23. Frolov E. (1991) S vershiny barrikad. Interv'yu s istorikom N. S. Lar'kovym [From the top of the barricades. Interview with historian N. S. Larkov] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 7 November, Tomsk. – P. 1–2.
24. Hosking G. (2012) Praviteli i zherty. Russkie v Sovetskom Soyuze [Rulers and Victims. The Russians in the Soviet Union]. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie. – 544 p.
25. Sheremet N. (1991) Rossii nuzhen prazdnik [Russia needs a holiday] // *Krasnoe znamya. Red Banner*. 7 November, Tomsk. – P. 1.

26. Sherlock T. (2014) Istoricheskie narrativy i politika v Sovetskom Soyuze i postsovetskoj Rossii [Historical Narratives in the Soviet Union and Post-Soviet Russia]. – М.: Politicheskaya enciklopediya. – 325 p.
27. Shishkin G. (1989) Sobytie, izmenivshee lico zemli [An event that changed the face of the earth] // Krasnoe znamya. *Red Banner*. 7 November, Tomsk. – P. 1.
28. Yurchak A. (2014) Eto bylo navsegda, пока не konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie [Everything Was Forever Until It Was No More. The Last Soviet Generation] – М.: Novoe literaturnoe obozrenie. – 664 p.
29. Yakimova T. (1987) Knigi istorikov [Books of historians] // Krasnoe znamya. *Red Banner*. 6 November, Tomsk. – P. 2.
30. Boettke P. (1993) Why perestroika failed: The politics and economics of socialist transformation. – London, New York: Routledge. – 199 p.
31. Humphrey C. (2008) The 'Creative Bureaucrat': Conflicts in the Production of Soviet Communist Party Discourse // Inner Asia, Vol. 10, No. 1, Special Issue: Cadres and Discourse in Late Socialist Societies. – P. 5–35.
32. Yurchak, A. (2017) The canon and the mushroom. Lenin, sacredness, and Soviet collapse // Hau: Journal of Ethnographic Theory Vol. 7, No. 2. – P. 165–198.

Об авторах

Моисеенко Арсений Дмитриевич – магистрант 2 курса кафедры антропологии и этнологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Россия), E-mail: moiseenkoarseniy@gmail.com

Шевцов Вячеслав Вениаминович – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Россия), E-mail: totleben@yandex.ru

Moiseenko Arseniy Dmitrievich – Master's degree student of 2 course of Department of Anthropology and Ethnology, National Research Tomsk State University (Russia), E-mail: moiseenkoarseniy@gmail.com

Shevtsov Vyacheslav Veniaminovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Russian History, National Research Tomsk State University (Russia), E-mail: totleben@yandex.ru